

Татьяна Николаева

ОЛИГАРХ

Татьяна Николаева

Олигарх

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24312624

Аннотация

Большие деньги и безграничная власть, политика и войны – кто стоит за всем этим и кому придётся заплатить за бесконечные блага? На что готов пойти олигарх Прохор в погоне за ещё большими деньгами, за абсолютной властью? Готов ли будет пожертвовать чужими жизнями ради своей одной? И чего в конце концов будет стоить его собственная жизнь?

Олигарх

Глава 1

8:00 утра. В белоснежном особняке вот уже два часа кипит, словно в улье, работа. Слуги-«пчёлы», одетые в безупречную униформу, снуют взад-вперёд, бесшумно передвигаясь по высоким залам и просторным коридорам. Каждый знает своё дело, их движения проворны и ловки, мастерство отточено до идеала.

В светлой столовой, отделанной редким белым мрамором, накрыт необъятных размеров стол. На белоснежной скатерти из тончайшего шёлка расставлены приборы, графины и вазы с фруктами. Шеф-повар этого особняка-замка лично вносит главное блюдо сегодняшней утренней трапезы, а следом за ним вереница из полдюжины слуг проплыла мимо стола, оставив на нём ещё с десятков блюд и закусок.

Стол накрыт на шестерых. На массивных стульях, одетых в пурпурные чехлы, за столом уже сидят хозяйка этого дома и четверо её детей: от шестнадцатилетней дочери до пятилетнего сына, всеобщего любимца Сёмочки. Холёные, румяные, упитанные домочадцы бодро и оживлённо беседовали за столом. Госпоже хозяйке лакей в белых перчатках наливал чёрный дымящийся кофе в цветастую фарфоровую чашечку, а поверх него – тонкой струйкой подогретые сливки из тонкого молочника. Место хозяина дома ещё пустовало.

Но вот под сводами залов раздались неспешные шаги. Прислуга, словно по команде, вытянулась в одну линию. Все

взоры обратились к распахнутым дверям.

Тяжёлой поступью откормленного, выхоленного, довольного жизнью кота в столовую вошёл господин хозяин. На нём был надет безупречный костюм, сшитый лучшими портными столицы. Ноги, обутые в новёхонькие туфли из нежнейшей кожи, глухо погружались в мягкий ворс персидского ковра.

– Доброе утро, семья, – поздоровался он с супругой и детьми, войдя в столовую, и потрепал по щеке маленького Сёмочку.

Ему ответили шумными приветствиями. Лакеи и слуги почтительно поклонились.

Он сел на стул во главе стола, и трапеза началась. Лакеи подходили и предлагали одно за другим блюда и закуски, разливали кофе и напитки, меняли блюда и приборы. Ещё один новый день, наполненный благами и радостью, начался.

Так начиналось каждое утро в доме олигарха Прохора. Каждое утро, просыпаясь в своей роскошной спальне, затем отправляясь в мраморную ванную, после шагая просторными коридорами или сидя в своём кабинете, он всюду видел результаты своей многолетней деятельности: несметные богатства, королевскую роскошь, изобилие и власть. Это то, к чему он стремился всю свою сознательную жизнь. Эксклюзивная мебель от лучших производителей мира, картины в подлинниках, статуэтки из чистого золота и слоновой кости, ковры и невероятных красот люстры, золочёные перила

лестниц – всё это Прохор окидывал довольным взглядом, и на губах его играла торжествующая улыбка.

Вот и сейчас он сидел за столом за поистине царской трапезой, окружённый со всех сторон роскошью, и не мог скрыть своего удовлетворения.

Яркие солнечные лучи освещали зелёную лужайку перед домом и проникали через высокие окна в столовую. За окнами дома раскинулся великолепный сад с парковыми дорожками, аллеями и фонтанами. Трое садовников ежедневно трудились, доводя его до совершенства: ухаживали за газоном, подстригали деревья и кусты, высаживали цветы.

Деревья редких сортов, привезенные специально из заморских стран, яркие аллеи цветов, журчащие фонтаны и пение птиц в буйной зелёной листве – всё это великолепие нежило пресыщенные взгляды и слух хозяев.

Скоро Прохор завершит утреннюю трапезу, сполна насладившись ощущением полноты своего бытия, уйдёт в свой кабинет и погрузится в дела. Ежедневно он затрачивает колоссальное количество энергии и сил, чтобы держать контроль и сохранять строгий порядок на своих фабриках и заводах.

О да, его фабрики и заводы... Иногда у него самого так захватывает дух от осознания своей значимости и величия, что он незаметно для окружающих щипает себя за руку, чтобы убедиться, что это всё не сон.

– Да, – говорит Прохор, – жизнь даёт мне всё самое лучшее, потому что я избран. Да, я избран, чтобы служить лю-

дям, служить народу, стране, если хотите. А как же?! Сами посудите, скольким тысячам людей я даю работу и, следовательно, приличное существование. А какой вклад в экономику страны я вношу. Да есть ли ещё хоть один бизнесмен, который так исправно платит налоги, как я?!

И неизвестно, как далеко он мог бы зайти в самовосхвалениях. Он настолько убеждён в своём благородстве, что искренне верит в свою избранность и справедливо пользуется всеми благами, которые только преподносит ему жизнь на блюдечке с голубой каёмочкой.

* * *

Пять лет назад Прохор пожелал обладать властью. Его бизнес к тому времени уже был безупречно налажен и приносил колоссальные прибыли. Ему вдруг стало тесно в своей прежней оболочке простого, хоть и невероятно успешного и состоятельного, бизнесмена. Его помыслы и взгляды были направлены в сторону международных рынков, в сторону ещё большего богатства и власти. Ему уже было мало той значимости и веса, которые он имел на своих предприятиях. Там полномочия были делегированы исполнительным директорам и управляющим. Его же самог_о, такого благодетеля, знала лишь горстка приближённых и партнёры. А Прохору хотелось большего. Душа требовала признания и славы, известности и власти.

И он попросил.

И ему дали. Он даже ничего практически не заплатил за

это. Так, сущие пустяки: какой-то миллион или полтора за предвыборную кампанию и открытую агитацию. И, ву-а-ля. Вот уже он, Прохор, не просто бизнесмен, он что-то большее, самый настоящий слуга народа – щедрый и справедливый. Отныне он носит почётное звание «депутат».

– Поздравляем вас, господин Прохор, вы назначены министром, – слышит он, словно во сне.

– Поздравляем! Поздравляем! – раздаётся со всех сторон.

– Благодарю, – смущённо отвечает Прохор. – Я не подведу. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы наладить, ... изменить, ... улучшить, ... разоблачить, ... наказать, ... чтобы восторжествовала справедливость, ... чтобы нашему народу жить стало легче, – слышатся с экранов телевизоров обещания и заверения нового министра.

Новые лица, новые обещания, новые трудности...

Ах, какие там трудности, что вы?! Ведь новый слуга народа благодаря своему новому положению получил доступ к неограниченным возможностям. Вместе с остальными такими же слугами, под благоговейное «пиканье», он предлагает, голосует и утверждает законы, открывающие ему двери в мир ещё больших денег и поистине неограниченной власти.

– Бросьте, я же не для себя стараюсь, – убеждает он журналистов, задающих неудобные вопросы. – Ведь вы поймите, это такие возможности! Наша экономика просто взмывает вверх. Наши пенсионеры будут получать невероятные пособия, а зарплаты люди просто не будут успевать тратить, та-

кие они будут высокие. Надо только ещё немного подождать, ещё совсем чуть-чуть потерпеть.

* * *

– Я снова получил, что хотел, – говорит Прохор. – Моё состояние растёт в геометрической прогрессии и исчисляется уже сотнями миллионов. Я – министр. Ко мне приходят на поклон сотни чиновников, от меня зависят тысячи судеб.

Он откидывается в мягком кресле своей гостиной и блаженно закрывает глаза. Чего ещё можно желать? Он успешен во всём, за что бы ни брался. Его дела идут великолепно. Его жизнь наполнена благами, радостью и счастьем. Малейшее его пожелание удовлетворяется без промедления. Да, он доволен жизнью. У него есть всё.

Или почти всё...?

– Ах нет, и всё-таки мало, и всё-таки можно больше. Можно больше, чем «просто» особняк; больше, чем «просто» отдых в любое время года в любом уголке земли; больше, чем личный повар и королевское меню каждый день; больше, чем «просто» заводы и фабрики; больше, чем «просто» министр. Хочется ещё больше денег, больше власти, полномочий и свободы.

– «Ненасытный»? – обижается Прохор. – Зачем вы так? Поймите вы, просто я могу сделать ещё больше для народа, принести ещё больше пользы государству. Я знаю, как. Я знаю, *что* нужно сделать. Я всё знаю, у меня даже есть готовый план по улучшению, готовые реформы. Но для этого

мне нужна власть.

И снова нет покоя Прохору. И вновь он погружён в раздумья. И ничто не радует его более: ни министерское кресло, ни процветающие фабрики и заводы, ни супруга с детьми, ни даже маленький Сёмочка. Тесно, душно ему, словно в тюрьме.

И снова не выдерживает он, и обращается в очередной раз с прошением:

«Хочу высшей власти в своём государстве. Хочу быть самым главным. И чтобы мои портреты во всех кабинетах, и чтобы личный самолёт, и чтоб за руку с главами держав. Хочу, хочу, хочу!»

– Тебя слышали. Придётся заплатить.

– Сколько угодно, – ответил Прохор дрожащими губами. –

Не поспею.

– Посмотрим...

Жажда власти завладела им и ослепила. Он уже не просто бизнесмен, олигарх и министр. Он теперь главный в стране. Его постоянно снимают камеры журналистов; о нём чаще, чем когда-либо, говорят вокруг; его имя произносят, когда представляют главу государства на мировых встречах и саммитах. Нет, он уже не просто человек, он хозяин жизни, он – полубог.

* * *

Но кто это там всё время кричит и машет руками в окна? Недовольные? Ах, недовольные... Ну, что я поделаю, недо-

вольных всегда хватало. Для всех хорошим не будешь. Кому-то нравится, кому-то нет.

– Да, обещал, – отвечает Прохор с экранов телевизоров, – и от своих слов не отказываюсь. Вам не удастся меня дискредитировать в глазах народа. Да, и план есть, как я и говорил. Но для его осуществления нужно время. Да к тому же момент сейчас не вполне благоприятный. Кризис, как-никак.

«Ах, это сладкое слово «кризис». Только дурак и неудачник может бояться кризиса. Для меня же это возможность удвоить, утроить свои доходы, – размышляет Прохор, глядя в окошко своего шикарного автомобиля, рассекающего улицы и проспекты столицы в сопровождении эскорта и охраны. – Да, экономика страдает. Ну а я-то здесь причём? Что я могу с этим поделать? Надо потерпеть немного, переждать»

* * *

Как-то раз, в одно прекрасное солнечное утро к Прохору пришёл посетитель.

– Как вы вошли? Кто вас впустил? – вознегодовал Прохор.

– Остыньте, господин Прохор, – ответил загадочный посетитель. – Я не нуждаюсь в том, чтобы меня впускали. Я сам вхожу туда, куда мне надо. А надо мне сейчас к вам.

С этими словами непрощенный гость прикрыл плотно дверь, прошёл через всю комнату и с милейшей улыбкой совершенно бесцеремонно развалился в мягком кожаном кресле.

– Что вы себе позволяете? Кто вы такой? – возмущённо

говорит Прохор. Как он смеет, кем бы он ни был, так себя вести с ним, первым человеком в государстве! С ним – законом и властью всей страны!

– Ну ладно, хватит дурака валять, – сказал, наконец, нахальный посетитель. – Надеюсь, нет необходимости представляться?

– Нет уж, будьте так любезны, – холодно процедил сквозь зубы Прохор, едва сдерживая гнев. Только положение удерживало его от того, чтобы не обрушиться сейчас на этого хама. Нет, не просто хама, а преступника! Тот, кто позволяет себе в таком тоне разговаривать с ним, самим Прохором, – и есть преступник.

– Н-да, обидно, – разочарованно протянул гость. – Раньше, бывало, меня узнавали с первого взгляда. Старею, старею.

И вдруг Прохор меняется в лице. Его спина покрывается холодным липким потом, а волосы на голове шевелятся, словно от дуновения ветра. Он опускается в своё кресло-трон и вжимается в него, словно уменьшаясь в размере. Его парализовал страх.

– О, вижу, я всё же узнан, – повеселел посетитель, и в его глазах мелькнули адские огоньки. – Ну, это уже другой разговор. Что ж, тогда перейдём сразу к делу, если ты не против. Итак... всё просто. Много лет ты пользовался моим расположением. Ты получал неограниченные блага и, в общем, всё, о чём просил. Но, как ты понимаешь, всё имеет свою цену.

– Но я не у вас просил, – смог, наконец, выговорить Прохор. – И я за всё платил.

– Ты серьёзно так думаешь? – улыбнулся посетитель. – Ты всерьёз полагаешь, что все эти годы пользовался простой удачей, а цена всему этому измеряется деньгами? Неужели ты до сих пор не уяснил, что ничто не возникает из ниоткуда и не исчезает в никуда? Спешу тебя удивить: все, к кому ты обращался, и кто исполнял твои пожелания, служат мне. Твоя удача – это мой тебе подарок. Но не безвозмездный. За всё придётся заплатить.

Каждое слово огненными буквами впечатывалось Прохору в похолодевшую плоть. Он замотал головой.

– Нет, нет, этого не может быть, – повторял он. – Такое невозможно. Это какой-то бред.

– Ладно, хватит истерик, – прервал его странный и страшный гость. – В принципе, твой образ жизни меня вполне радует и тешит. Я пока оставлю всё, как есть. Только ты станешь оказывать мне некоторые услуги.

– Всё, что угодно, – поспешил ответить Прохор, обрадованный надеждой отвязаться от навязчивого гостя.

– Слушай, ты так легко разбрасываешься обещаниями, – улыбнулся тот. – Но меня это устраивает.

– Что я должен делать? – спросил измученный Прохор, не обращая внимания на сарказм собеседника.

– О, не так сразу. Для начала мне было необходимо известить тебя о договоре и заручиться твоей поддержкой.

И он протянул Прохору мобильный телефон пурпурного цвета со словами:

– Это тебе. Телефон должен быть всегда с тобой, всегда на связи.

Маленькое устройство обожгло ладонь Прохора. Посетитель, наконец, поднялся и, вежливо распрощавшись, вышел из гостиной.

Спустя несколько секунд, Прохор опомнился, отдернул руку от телефона и поспешил в коридор. Но там никого не было. Коридор был пуст и тих. И Прохору чудилось, что между колонн он слышит эхо собственного сердцебиения.

– Может, приснилось, – сказал Прохор, возвращаясь в кабинет, – или привиделось. Чертовщина какая-то.

Прохор старался подбодрить себя, прогнать страх и неприятное ощущение безысходности, поселившееся внутри. Но, бросив взгляд на стол, он увидел среди прочих предметов и бумаг маленький телефон цвета крови, словно принесенный из самой преисподней. И холодный пот вновь окатил его с головы до ног.

– Что за вздор! – громко сказал Прохор, злясь на свой испуг. – Тоже мне, Мефистофель современный выискался. Небось, какой-то ловкач-проходимец пробрался в мой дом и нагло разыграл меня. Но он жестоко поплатится за свою шутку!

И Прохор одним движением выдвинул боковой ящик стола и швырнул туда телефон. На душе сразу посветлело.

Прохор поднял на ноги всю охрану и прислугу. Он назначил расследование и пустил лучших ищеек в погоню за самозванцем.

– Найдите его и приведите ко мне живым! – твердил Прохор.

Но поиски не дали результатов. Таинственного гостя никто не видел, его не зафиксировала ни одна из камер наблюдения. Будто его и не было вовсе.

Глава 2

Шло время. В государстве, в котором правил Прохор, положение ухудшалось день ото дня. Казна была пуста, государственные долги росли с космической скоростью, портились отношения с соседями в угоду заморским благодетелям. Росло недовольство людей.

Информаторы ежедневно сообщали о положении дел и настроениях народа. Новости не радовали. Каждый день появлялись новые лидеры, зовущие, словно сирены, за собой и сулящие райскую жизнь. Подстрекатели и лжепророки подливали масла в огонь.

Люди, утомлённые бесчинствами властей, озлобленные и преисполненные гневом, разделились и теперь с ненавистью взирали друг на друга. Жажда мести и жажда крови овладела ими.

– Ах, как же легко вами управлять, тупые безликие марионетки, – думал Прохор, глядя из окон своих правитель-

ственных апартаментов на ревущую толпу. – Закон «Разделяй и властвуй» работает, как часовой механизм, точно и без погрешностей, – продолжал он, пересчитывая свои доходы, утроенные за последнее время.

Телефоны Прохора не смолкают. Ему поступают указания «свыше», и он утверждает их своими новыми указами и законами:

- Повысить налоги!
- Отменить льготы!
- Поднять цены!
- Подавить сопротивление!
- Отправить головорезов туда-то...
- Убрать такого-то...

И среди всего сумбура и хаоса Прохор вдруг слышит приглушённый звук незнакомого звонка. Он не может понять, откуда. Он пытается найти источник непрекращающегося звука. И вдруг, открыв боковой ящик своего стола, он обнаруживает телефон пурпурного цвета, оставленный ему загадочным посетителем полгода назад.

Почему-то зашатались предметы в комнате. Пересохло во рту. Вернулось прежнее чувство страха. Дрожащей рукой Прохор потянулся и взял звонящий телефон.

– Ну что же ты заставляешь меня ждать в нетерпении? – услышал он в трубке знакомый уже голос, и волосы зашевелились у него на голове. – Я ведь велел тебе постоянно быть на связи.

– Простите, я не нарочно, – пролепетал Прохор, словно нашкодивший школьник перед завучем. Куда и подевались его спесь и самообладание.

– Пора, – коротко сказал голос. – Время вышло.

– Что вы хотите этим сказать? – непонимающе замотал головой Прохор. – Что пора?

– Платить, – ответил голос. – Пришло время платить по счетам, господин Прохор.

– Как? – ещё больше испугался Прохор. – Вы же говорили об услугах. Я ведь ещё должен исполнить ваши указания.

– Ты уже всё исполнил, – услышал он в ответ. – Я звонил тебе, ты не отвечал. Мне пришлось обращаться к тебе через посредников, твоих «хозяев», которые дают тебе займы и выдвигают требования, отдают приказания. Каждый из них, так же, как и ты отрабатывает свой договор со мной. Твой час настал.

– Вы о чём? – заикался Прохор. – Я не понимаю.

– Нужна жертва, – произнёс голос. – И я иду за тобой.

– Нет! – вскричал Прохор. – Кто вы такой?! Что вам от меня надо? Денег? Я заплачу. Сколько скажете, всё отдам. Назовите сумму.

На другом конце послышался сухой смех.

– Повеселил ты меня сегодня, – ответил голос. – Деньги ни при чём. Золото – это пыль. Только кровью можно оплатить свой долг.

– Я дам вам крови, – сказал дрожащими губами Про-

хор. – Я дам вам столько крови, сколько пожелаете. Это будет несложно. На улицах и площадях собрались тысячи протестующих. Вам стоит только приказать, и мостовые залиются кровью, целые города утонут в крови.

– И ты пойдёшь на это? – испытующе спросил голос. – Ты отдашь тысячи жизней за одну свою?

– Без промедления и без сожаления, – не раздумывая, ответил Прохор. – Посмотрите на них, на этих жалких ничтожных людишек. Они погрязли в долгах и бытовых неурядицах, они не испытывают радости, они не знают, что такое жить по-настоящему. Они не знают вкуса жизни. Эти жалкие людишки за гроши стоят сутками на площадях, в мороз и в дождь, защищая чужие идеалы и интересы. Они готовы за копейки перегрызть друг другу глотки. Их жизни ничего не стоят.

– Не тебе судить и рассуждать о цене жизни, – ответил голос. – К тому же, глотку они жаждут перегрызть не кому-то, а именно тебе. На площадях уже разложили костры и призывают к высшему суду, требуют отмщения.

– Пощади, – простонал Прохор. – Не отнимай у меня жизнь. Я не готов. Я не хочу. Забери их жизни. Сколько тебе надо: сто, тысячу, десять тысяч? Забирай. Я всё сделаю. Я сейчас же позвоню.

В трубке слышались короткие гудки.

Прохор, бледный и обессиленный, тяжело откинулся на спинку своего трона. И вытер со лба крупные капли пота. И сейчас же, ни секунды не мешкая, он набрал на своём теле-

фоне доверенное лицо.

– Довольно пустых воплей на улицах, – сказал Прохор осипшим голосом. И добавил решительно, без жалости и сомнения: – Нужна кровь, много крови. Нужна война.

– Но с кем? – спросил доверенный. – С кем война?

– Не важно, – ответил Прохор. – Война, жестокость, кровопролитие. Скоро, прямо сейчас! Отправляйте снайперов.

– В какой стороне мишени? – уточнил доверенный.

– В обеих.

* * *

Спустя полчаса на площади раздался первый выстрел. За ним второй. И ещё, ещё. Стрельба, крики, кровь, смерть. Землю затянуло густым чёрным дымом.

Прохор смотрел из окна на ревущую, взрывающуюся площадь и довольно улыбался. Он приказал отправить головорезов и поджигателей и по другим городам.

– Нужно как можно больше невинных жертв, – говорил он себе, слушая каждый день сообщения и сводки о десятках и сотнях убитых, замученных и сожжённых заживо. – Чем больше их пострадает, тем довольнее будет *ОН*. И, может быть, тогда *ОН* отстанет от меня.

Спустя неделю бойни и резни на улицах городов своей страны, Прохор отдаёт новый приказ, ещё более жестокий и кровожадный, чем прежние:

– Отправить боевую технику на правую окраину страны, чтобы подавить сопротивление в городах. Подавить жестоко

и беспощадно!

Ему показалось мало тех жертв. Нужно ещё больше.

И вот уже месяц идёт война. Война без причины, без чести – жестокая и кровопролитная война против людей.

И второй месяц длится война, и третий, и четвёртый. Каждый день Прохор получает сводки о количестве убитых и казнённых. И подсчитывает общее количество загубленных жизней, уже перевалившее за тысячи. Тысячи невинных жертв – за одну его жизнь. И успокаивается Прохор, и потирает ладони.

– *ОН* должен быть доволен, – говорит сам с собой Прохор. – Хозяин должен быть доволен.

Глава 3

Проходит ещё полгода. Прохор, живой и здоровый, довольный жизнью, пожинает плоды своих преступных трудов. Он процветает, как и прежде, и даже больше. Его заводы и фабрики приносят колоссальные прибыли, несмотря на войну и разруху, охватившие страну. Он окончательно успокоился и расслабился. Вот уже почти год его не беспокоят. Значит, там довольны. Значит, он всё правильно делает. Значит, надо продолжать всё в том же направлении.

– Жизнь прекрасна! – говорит Прохор, заглушая вопли и стоны гибнущих людей и перекрывая бесконечный поток сообщений о новых и новых жертвах, исчисляемых уже десятками тысяч.

И вновь он, как и прежде, принимает завтрак в своей роскошной столовой, в кругу семьи. И вновь лакеи в белых перчатках ставят дорогие блюда на стол, подают заморские фрукты и наливают ароматный кофе в цветастые фарфоровые чашечки.

Прохор, как и раньше, окинул взглядом окружающую роскошь и вздохнул полной грудью. Всё идёт, как нельзя лучше. Он по-прежнему правит государством, разорённым и разодраным в клочья войной и бедствиями. Он всё так же посещает мировые встречи и саммиты, и там ему высказывают слова сочувствия и оказывают помощь. Он по-прежнему проливает кровь в своей стране. Он понимает: пока будет литься кровь, его собственная жизнь вне опасности.

* * *

На одной из встреч к господину Прохору пробился журналист и, наклонившись к самому уху, сказал:

– Время пришло...

Прохор похолодел от ужаса. Нет, этого не может быть. Почему опять? Он хотел спросить, но журналиста уже оттеснили охранники и потащили прочь от правителя.

– Нет, стойте! – резко крикнул Прохор. – Отпустите его.

– Он может быть вооружён, – в сомнении отвечает охрана.

– Пустяки, – говорит Прохор. – Мне ничего не угрожает.

Отпустите его.

Журналист, освободившись от рук, схвативших его, спокойно подошёл к Прохору и сказал одними губами, глядя

ему в глаза:

– *ОН* ждёт. Ты должен пойти со мной.

Проخور растерялся и стал озираться по сторонам, как будто в поисках защиты.

– Нет, это неправильно, – прошептал он, – я же дал ему всё, что он хотел. Столько крови, столько жизней, тысячи невинных жертв. Зачем ему я?

– Жертвы лишь отсрочили оплату, – тихо произнёс посланник, – но не отменили.

– Неправда! – вскричал Проخور, не обращая внимания на устремлённые в его сторону взгляды и камеры репортёров. – Я думал... Это несправедливо. Что ему ещё надо? Он хочет ещё крови? Я дам ему. Дам столько, что он будет доволен.

Проخور притянул журналиста к себе и говорил ему в самое ухо.

Окружающие не понимали, что за перемена произошла с правителем. Почему он ведёт себя так странно, презрев все правила и этикет? И почему на его лице вместо самообладания отразился дикий страх, животный ужас?

А он всё говорил и говорил что-то настойчивому журналисту. Он уговаривал и торговался, он просил и умолял.

Наконец устав слушать мольбы и унижения, посланник сказал, коротко и сухо, глядя прямо в глаза Прохору:

– Не торгуйся. И не пытайся обмануть его. Твой час настал. Сейчас или позже, всё равно ты должен заплатить.

– Лучше позже, лучше позже, – Проخور ухватился за про-

блеск надежды. – Позже, но не сейчас.

– Ты делаешь только хуже, – сказал посланник. – *ОН* не любит, когда с ним играют.

– Пусть он сам придёт, пусть позвонит, я попрошу его, – умолял Прохор.

– Довольно, – прервал его тот. – *ОН* не придёт. *ОН* ждёт. Ты идёшь?

– Нет! – резко дёрнулся Прохор и шарахнулся в сторону. – Нет, вы не имеете права. Уходите!

Журналист посмотрел ещё раз Прохору в глаза, полные ужаса, и в его собственных глазах заплясали адские огни.

– Вы нарушили договор, господин Прохор, – произнёс он. – Прощайте.

Он беспрепятственно ушёл и растворился в толпе репортёров.

Спустя всего две минуты Прохору позвонили и сообщили о случившейся автокатастрофе, в которой погибла его семнадцатилетняя дочь.

– Нет, этого не может быть! – вскричал он. – Так неправильно! Верните его! Верните того журналиста.

Но того уже и след простыл.

Встреча была окончена досрочно. Прохор, забыв об этикете и приличиях, поспешил обратно, в столицу. Он надеялся, что это неправда, что это какая-то чудовищная ошибка или чей-то злой розыгрыш.

Словно во сне, он пришёл на опознание. Словно сквозь

туман, он увидел мёртвое лицо своей старшей дочери.

– За что?! – простонал он, опускаясь на колени. – Её за что?

* * *

Жизнь в белоснежном особняке изменилась навсегда. Горе и боль утраты поселилась в нём.

Бледное, залитое слезами лицо супруги белым пятном упрёка напоминало Прохору о его поступке. Он пожалел собственной жизни, и вот его старшая дочь отдала свою. Неравноценный обмен.

Десятки тысяч отнятых жизней не стоили одной этой. Пусть бы и дальше лилась кровь этих презренных рабов, этих недочеловеков. И пусть льётся! Пусть и дальше мрут, как мухи! За жизнь его девочки пусть платят все остальные.

И Прохор отдаёт приказ ужесточить бои и резню. И снова бурным потоком льётся горячая кровь.

Проходит неделя. Семья Прохора в трауре. Он не оправился ещё от первого потрясения, как случилось новое. В его дом вновь пришла беда. Шестилетний сын слёг от неизвестной болезни.

– Только не Сёмочку, – взмолился Прохор.

Он вызвал лучших отечественных специалистов и лучших врачей из заграницы. Но никто не мог определить и сказать, что за болезнь сразила его младшего сына. Никакие анализы и обследования не давали определённых результатов. Маленький Сёма лежал без сознания и таял день ото дня.

Врачи разводили руками. Мать сходила с ума от горя и отчаяния. За спинами шептались, делая самые разные предположения, почему такая беда постигла семью Прохора. И только он один знал причину смерти дочери и болезни сына. Только он один наперёд знал исход. Он знал, что надежды нет. Младший сын – следующая жертва за его ошибку, и не последняя. Прохор понимал, что вслед за младшим может настать черёд и оставшихся двоих детей.

– Ударил по самому дорогому, – говорил Прохор, закрывшись в своём кабинете дома. – Ты же забрал уже старшую дочь. Зачем тебе ещё? Оставь жизнь моему младшему ребёнку. Не отбирай Сёму.

Он пришёл в комнату сына, где над кроваткой день и ночь молилась убитая горем мать. Прохор хотел тоже помолиться, попросить Бога за сына. Но он не смог вспомнить слов ни одной молитвы. Тогда он решил просто обратиться с мольбой к небесам, но какая-то нечеловеческая сила придавила язык к нёбу и не давала произнести имя Бога. Небеса отвернулись от него.

Прохор в отчаянии разрыдался.

Он просил, он умолял, но не Бога, а другого – того, кто дал ему всё и теперь отнимает самое дорогое; того, чьё имя он умел произнести. Он стоял на коленях и просил, зная заранее, что его просьба не будет услышана. Он проливал горькие слёзы, зная, что они уйдут в землю и не будут увидены. Он знал, что всё напрасно.

Спустя неделю его младший сын Сёмочка, любимец семьи, так и не придя в сознание, скончался.

Супруга слегла в беспамятстве. Прохор поседел.

Одно за другим известия разрывали нависшую тишину:

«Вторая смерть в семье правителя за один месяц»;

«Неведомая болезнь уносит жизни в семье президента»;

«Господин Прохор отказывается от президентского кресла и удаляется в своё поместье, чтобы находиться возле больной супруги»;

«Ещё один ребёнок господина Прохора впал в кому. Его состояние оценивается, как критическое».

Глава 4

Всего месяц прошёл с момента последней встречи Прохора с посланником, а его самого было не узнать. Испарились былые шик и лоск, стёрты с лица самодовольная презрительная улыбка и взгляд свысока. Теперь это был просто человек, раздавленный потрясениями и горем, свалившимися на его семью; испуганный, растерянный, на грани безумия седой старец с поблекшими от слёз глазами, с трясущимися руками и дрожащими губами.

Он сидел у кровати своих детей и помешавшейся супруги, смотрел остановившимся взглядом куда-то в стену и шептал. Он говорил с незримым гостем, он вновь и вновь просил пощадить его семью, он умолял забрать его жизнь, но оставить их.

Да, ещё совсем недавно он просил об обратном, трясая за свою собственную жизнь. Теперь же он умолял забрать её взамен жизни его детей и супруги.

Но он не нашёл ответа на свои мольбы. Он понимал, что это конец. Он знал теперь, что надо делать. Он знал, что должен сделать, чтобы спасти свою семью.

Проход ушёл в свой кабинет, закрылся, чтобы его никто не мог побеспокоить, и сел за стол.

– Я должен, – повторял он. – Я должен...

За окном звонко щебетали птички в его ухоженном королевском саду, успокаивающе журчали фонтаны. Солнечные лучи ласкали газонную зелень перед домом и проникали через окно в комнату, играя бликами на полу и стенах. Благоухали цветы, шелестели листвой деревья за окном. Жизнь так прекрасна...

Проход открыл верхний ящик стола и достал телефон цвета крови. Он положил его перед собой. Он ждал звонка. Давно ждал. Но звонка не было. Телефон молчал.

Тогда он открыл другой ящик и достал пистолет с резной рукояткой и собственными инициалами на ней – подарок ему от друзей на сорокалетие. Эта игрушка пятнадцать лет лежала без надобности в ящике его стола. Теперь её черёд настал.

Проход снял с предохранителя и проверил затвор.

Он никак не мог решиться. Уж очень ласково шелестела листва в саду, уж очень ярко светило весеннее солнце.

Он не заметил, как задремал. И во сне он увидел всю свою

жизнь, как она была. Он увидел, впервые за эти годы, всё то, что он делал, будучи у власти, и ранее – все свои поступки и их последствия. Он увидел людей, которых погубил за это время. Они пришли к нему все разом, все те десятки тысяч ничего не стоивших ему жизней, загубленных, истерзанных жизней, разрушенных домов и семей. Они пришли и встали у его трона, и молча вопрошали.

– Отстаньте, отступите, уйдите прочь, – бормотал он, мотая головой.

Но они не уходили. Они показали ему все ужасы, которые им довелось увидеть и пережить перед смертью: огонь, стрельба, взрывы, пожары, разорванные снарядами тела, изнасилованные и замученные женщины и юные девочки, сожжённые заживо и забитые до смерти старики, расстрелянные дети. Земля залита кровью. И над всем этим – дым и зарево пожаров, и лицо того, кого он видел однажды здесь, в своём кабинете. Видел давно, почти два года назад.

– Полюбуйся на результат своей деятельности, – говорит он.

– Неправда, это не я, – кричит Прохор. – Это всё ты, не я. Это тебе нужна была кровь.

– Твоя, но не чужая, – отвечает тот. – Чужая кровь на твоих руках. Это целиком твой выбор.

– Нет, нет, нет! – кричит Прохор и просыпается.

Но видения не покидают его. Он продолжает видеть всех загубленных людей, продолжает слышать их плач и стоны.

Куда деваться? Они везде. Всюду кровь, всё вокруг залито горячей алой кровью: и его кабинет, и коридор, и стены белоснежного особняка, и его великолепный сад.

– Пусть они все уйдут! – кричит обезумевший Прохор. – Пусть пропадут! Прочь!

– Они не уйдут, – услышал он в ответ. – Они теперь всегда будут рядом с тобой. Это твой ад. Твоя плата.

Раздался глухой смех, громом прокатившийся по комнате, а следом за ним – раскатистый удар выстрела.

* * *

Всё смолкло. Замерли звуки. Тёплый свет разлился вокруг и постепенно достиг всех комнат и помещений особняка-замка, даже самых отдалённых. В спальне открыла глаза хозяйка дома. В её взгляде больше не читалось безумие, а лишь горе, пустота и страх. Она поднялась с постели и, шагаясь, побрела в детскую, где вот уже несколько дней лежал десятилетний сын, увядая, словно нежный цветок без воды. Сейчас он сидел на кровати и слабо улыбался. Лёгкий румянец проступил на его бледных исхудавших щеках. Болезнь, как наступила, так же внезапно и отступила.

Мать, пережившая две утраты, сейчас плакала от счастья. Ей больше не придётся хоронить своих детей.

За окном всё так же приветливо и звонко щебетали птички в прекрасном саду, по-прежнему ласково журчали фонтаны и шелестели листвой деревья. Жизнь продолжалась.

... Продолжалась, но не для всех. Из кабинета вынесли

тело мёртвого хозяина. Его седые волосы были всклокочены, глаза вытаращены от ужаса, а лицо перекошено судорогой неземного страха. У правого виска зияла кровавая рана.